

Книга, очевидно, не вписывалась в стандарты советской историографии. Ее основой был историко-юридический подход, столь свойственный дореволюционной исторической науке. Более того, автор отталкивался не от классиков марксизма-ленинизма или новейших директив, а от собственной интерпретации конкретных исторических источников. Понятно, что просто так такая книга не могла выйти из печати. Институт истории вынужден был снабдить монографию введением, автором которого стал Л.В. Черепнин. Во введении писалось, что «монография представляет несомненно очень ценный вклад». Подчеркивалось, что автор ввел в научный оборот много свежего материала¹. В то же время признавалось, что работа написана не с марксистских позиций. Выводом стал своеобразный компромисс: в книге много новых и ценных наблюдений, но концепция, на которой базировалось исследование, является в корне неверной².

4. Идеологические кампании послевоенного времени

Изучение прошлого, находящегося на почтительном временном удалении от настоящего, традиционно считается наименее политически ангажированным видом исторических исследований. В то же время в советском государстве, где история оказалась под особенно пристальным вниманием, даже древнейшие эпохи русской истории становились предметом идеологического воздействия. И хотя тотального контроля над исследовательским процессом достичь не удалось, идеология властно вторгалась в академическую науку. Одной из форм такого вторжения были регулярные идеологические кампании. В послевоенное время (1945–1953 гг.) плотность идеологических кампаний была особенно велика. Причину этому исследователи видят в стремлении И. В. Сталина и выращенной им номенклатуры мобилизовать общество в условиях не только международной напряженности, но и роста внутреннего свободомыслия, спровоцированного победой в Великой Отечественной войне³. Кроме того, не могло не раздражать действующую власть и стремление науки и высшего образования к известной доле независимости. Поэтому, чтобы пресечь все попытки, удар был нанесен по самым авторитетным ученым и преподавателям.

¹ Там же. С. 1.

² Там же. С. 4.

³ *Костырченко Г.В.* Сталин против «космополитов». Власть и еврейская интеллигенция в СССР. М., 2009. С. 117; *Наджафов Д.Г.* Введение // Сталин и космополитизм. (1945–1953): Документы. М., 2005 и др.

Проходившие кампании (борьба за советский патриотизм, борьба с буржуазным объективизмом, антикосмополитическая кампания, борьба за критику и самокритику и т. д.) — это еще и своеобразная форма контроля и управления наукой. В ходе кампаний нередко руками самих же ученых выявлялись неблагонадежные элементы, проходила идеологическая мобилизация, устанавливалась корпоративная цензура печатной продукции¹.

Кампании коснулись всего научного сообщества, но в различных группах ученых они проявились по-разному. Многое зависело от конкретной ситуации, личных взаимоотношений, столкновения карьерных амбиций и т. д. Если официальные идеологи лишь задавали тон кампании, то ее проведение определялось общим состоянием ученой корпорации².

Сообщество советских историков представляло сложную и крайне противоречивую картину. Оно было пронизано конфликтом представителей разных методологических школ (старой дореволюционной и новой марксистской), борьбой разных ученых за статус и влияние. Все это осложнялось регулярным вмешательством представителей советской власти в науку.

В послевоенное время постепенно раскручивалась кампания по борьбе с «буржуазным объективизмом». В 1948–1949 гг. она достигла пика. Значение этих кампаний для исторической науки, все перипетии до сих пор слабо изучены. Тем не менее очевидно, что последствия были крайне негативными. Начавшись с критики учебника Г.Ф. Александрова «История западноевропейской философии», кампания по борьбе с объективизмом перекинулась на другие гуманитарные науки. В значительной степени пострадала от нее и историческая наука.

Многие историки в той или иной степени оказались под ударом. Одними из главных ее жертв стали Яковлев и, особенно, Веселовский. Первого критиковали за его книгу о холопстве и статью о В.О. Ключевском, а Веселовский стал жертвой критики в первую очередь за монографию о феодальном землевладении.

8 сентября 1948 г. в «Литературной газете» появилась статья некоего А. Кротова под названием «Примиренчество и самоуспокоенность», где он критиковал работу Института истории в первую очередь за публика-

¹ Тихонов В.В. Идеологические кампании как форма контроля и управления советской исторической наукой (1945–1955 гг.) // Государственное управление: Электронный вестник. Вып. № 26. Март 2011 г. / URL: <http://e-journal.spa.msu.ru/images/File/2011/26/Tikhonov.pdf>.

² Кожевников А.Б. Игры сталинской демократии и идеологические дискуссии в советской науке: 1947–1952 гг. // Вопросы истории естествознания и техники. 1997. № 4. С. 29–30.

цию книги Веселовского. Статья быстро стала руководством для проведения кампании как внутри Института, так и в печати. Вначале, видимо, для «успокоения общественности», обсуждение работы Веселовского и других авторов, подвергнутых критике, было проведено в секторе истории России до XIX в.¹ Но на этом кампания идеологических проработок не закончилась.

6 октября 1948 г. на заседании отделения истории и философии АН СССР, приуроченном к 10-летию публикации «Истории ВКП (б). Краткий курс», прозвучал идеологически воинственный доклад Панкратовой (впрочем, другой сделать было невозможно) об исторической науке. Докладчица коснулась и ситуации с книгой Веселовского. «В рядах советских историков за последнее время проявилась опасная терпимость к принципиальным ошибкам и явным рецидивам буржуазной идеологии»², — говорила она. Ее возмутило то, что книга Веселовского, написанная с буржуазных позиций, не подверглась разгромной критики со стороны его коллег. Панкратова вновь подчеркнула немарксистский и несоветский подход исследователя: «Занимаясь десятки лет историей феодализма, он ни в этой книге, ни в работе о происхождении вотчинного режима, совершенно не пользовался широко известными работами классиков марксизма-ленинизма»³.

Центральное значение в рамках борьбы с объективизмом и космополитизмом приобрело совещание в Институте истории, прошедшее с 15 по 18 октября 1948 г. Заседание, очевидно, было приурочено к юбилею «Истории ВКП(б). Краткий курс». Тем самым символически противопоставлялось марксистско-ленинское учение (в сталинской интерпретации) и буржуазный объективизм. Одним из основных объектов критики стала книга Веселовского, которую все выступающие оценивали как «немарксистскую»; то же обвинение прозвучало и в адрес статьи Яковлева.

15 октября выступление, задававшее общий тон совещания, сделал Б.Д. Греков. Подробно он остановился на книге Веселовского, указав на то, что книга «расходится с основными выводами советской исторической науки, опирающейся на марксистскую методологию»⁴. Следом выступал Бахрушин: «Книга... не только не является марксистской книгой, но является в значительной степени проводницей взглядов, которые несовместимы с марксистским миропониманием и с марксистской научной

¹ Подробнее см.: *Сидорова Л.А.* Советская историческая наука середины XX века... С. 34–39.

² АРАН. Ф. 457 (Президиума АН СССР). Оп. 1. 1948 г. Ед. хр. 105. Л. 73.

³ Там же. Л. 74.

⁴ *Мосина З.В.* О работе Института истории Академии наук СССР // Вопросы истории. 1948. № 11. С. 144.

концепцией. В сущности говоря, С.Б. Веселовский сейчас является очень ярким представителем старой юридической школы, школы Соловьева»¹. Следующее заявление Бахрушина является показательным в плане его понимания того, как должен работать советский историк: «...Указание на то, что вопрос о возникновении частной собственности есть в значительной степени дискуссионный вопрос, сразу неправильно ставит этот вопрос, поскольку мы имеем совершенно отчетливое указание классиков марксизма, в частности Энгельса, по этому вопросу, вопрос это не дискуссионный, он уже разрешен классиками марксизма»². Здесь отчетливо проявилось то, что Бахрушин принял (хотя бы внешне) требования, предъявляемые властью к работе советского историка, когда во главу угла ставилось следование указаниям классиков марксизма-ленинизма.

Подробно на работе Веселовского остановился Л.В. Черепнин. Он был редактором книги и автором предисловия, поэтому частично претензии, прозвучавшие в адрес Веселовского, касались и его. «Две ссылки на труды классиков марксизма даже нельзя рассматривать как прикрытие, — восклицал докладчик, — потому что совершенно ясно видно, что эти ссылки принадлежат не самому Степану Борисовичу, а очень неудачно вставлены кем-то из редакторов»³. Заметим, что, вероятнее всего, эти цитаты вставил сам Черепнин.

На заседании 16 октября А.М. Панкратова вновь вспомнила о Веселовском и его книге. Ее критика возобновилась в новом ключе, опираясь на мысль, что появление книги является признаком неблагополучия в работе с кадрами. «Как мы сможем идеологически воспитывать кадры советской молодежи, если мы будем без всякого ограничения выпускать книги, порочные в своей теоретической основе, подобно книге С.Б. Веселовского... Говорят, что книга Веселовского — явление единичное и случайное. Но где гарантия, что при нашей склонности к примиренчеству это единичное не превратится в множественное, а случайное не станет обычным?»⁴ — спрашивала А.М. Панкратова.

Статья Яковлева, как, впрочем, и вся его остальная деятельность, была подвергнута критике В.И. Шунковым на заседании ученого совета Института истории 18 октября. Докладчик в негативном ключе отметил, что Яковлев показал непреходящее значение трудов Ключевского, в том числе и для советской исторической науки: «...Создается впечатление, что современная историческая наука возникла как простой приемник развития предыдущих прогрессивных учений. Разве здесь не вос-

¹ АРАН. Ф. 1577. Оп. 2. Ед. хр. 192. Л. 2.

² Там же. Л. 3.

³ Там же. Л. 54.

⁴ Там же. Ед. хр. 193. Л. 16.

куряется фимиам буржуазной науке?»¹. Итоговая резолюция требовала усиления бдительности на «историческом фронте». После случившегося обычно сдержанный Б.Б. Кафенгауз записал в своем дневнике: «Об этих заседаниях осталось тягостное настроение»².

Ход заседания осветили в журнале «Вопросы истории». В заключении было написано: «Случайны ли все эти ошибки?... Работа Веселовского вышла с порочным предисловием, за которое несет ответственность весь сектор истории СССР до XIX в. Корень этих ошибок в забвении принципа партийности в науке, в сползании на позиции буржуазного объективизма»³.

Вскоре появились печатные рецензии на работы Веселовского и Яковлева. Обстоятельный отзыв на монографию «Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси» под говорящим названием «С позиций буржуазной историографии» написал И.И. Смирнов. Рецензент признал большую фактическую базу исследования⁴, но теоретико-методологические основы работы были классифицированы как буржуазные. «На всем протяжении почти 500 страниц своей книги С.Б. Веселовский не цитирует ни одной работы советских историков, не ссылается ни на одно исследование, принадлежащее представителям советской историографии»⁵, — возмутился Смирнов. Он объявил Веселовского последователем «реакционной западноевропейской историографии». Автор отзыва воинственно заявлял, что марксистская теория навсегда похоронила старые концепции. Неприемлемой Смирнову показалась мысль Веселовского о происхождении частной собственности, которую тот выводил из колониционных процессов, а не из разложения общины, как о том писали классики марксизма⁶. Вывод рецензента был, конечно же, однозначен: это порочная и несоветская книга.

Еще одна рецензия, написанная В.Г. Солнцевой, появилась в журнале «Советское государство и право». В целом автор солидаризировалась с выводами И.И. Смирнова. Она также подчеркивала отсутствие марксистского подхода в исследовании. Делая упор на неправильной, в советском понимании, теории Веселовского о родоплеменном происхождении государства, автор противопоставляет ее марксистской⁷ (заметим, что вопрос о происхождении государства как таковой Веселовским не ставился).

¹ Там же. Ед. хр. 194. Л. 44.

² Там же. Ф. 1580 (Б.Б. Кафенгауз). Оп. 2. Ед. хр. 44. Л. 22.

³ Мосина З.В. Указ. соч. С. 146.

⁴ Смирнов И.И. С позиций буржуазной историографии // Вопросы истории. 1948. № 10. С. 113–114.

⁵ Там же. С. 123.

⁶ Там же. С. 115.

⁷ Солнцева В.Г. Рец. на: Веселовский С.Б. Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси: В т. I. М.; Л., 1947 // Советское государство и право. 1948. № 10. С. 77.

Анализ статей позволяет сделать вывод, что критика не касалась основных положений исследования, поскольку у рецензентов не было достаточной профессиональной подготовки для этого. Упор делался на идеологическую и теоретическую составляющие.

Иная оценка была дана позднее. Л.В. Данилова указывала на «Феодальное землевладение...» как на крупную и важную для развития историографии работу¹. Русско-американский историк Г.В. Вернадский, называя Веселовского наиболее крупным знатоком в области истории землевладения и налогообложения истории России XVI–XVII вв., признавал выдающееся значение книги². В своих воспоминаниях А.А. Зимин писал, что «глубина исследования в книге просто непостижимая»³. Очевидно, что до сих пор исследование Веселовского не получило должного осмысления в отечественной историографии. Возможно, что это дело будущего.

В печати критиковали и Яковлева. В журнале «Вопросы истории» в самом начале борьбы с «космополитами» и «буржуазными объективистами» появилась редакционная статья, в которой утверждалось, что «Яковлев опубликовал статью о Ключевском, наполненную безудержным восхвалением этого историка». Особенно авторов заметки возмутило то, что Яковлев изобразил Ключевского как предшественника всей современной ему историографии, тем самым связав советскую и дореволюционную историческую науку⁴.

Разгромная статья была напечатана тогда еще начинающим историком В.Т. Пашуто⁵. В рецензии, написанной на «Ученые записки», где была опубликована статья Яковлева, В.Т. Пашуто утверждал: «...Статья А.И. Яковлева чужда марксистской историографии». Автор обрушился на утверждение Яковлева, что именно верность критическому подходу к историческому источнику позволила автору «Курса лекций» получить объективные представления об историческом процессе. В.Т. Пашуто утверждал: «Это положение не может быть принято, так как приемы

¹ Данилова Л.В. Изучение истории средневековой России // ОИИН. Т. V. М., 1985. С. 129–132.

² Vernadsky G. Review Veselovsky S.B. Feodalnoe zemlevladenie v Severo-Vostochnoi Rusi. Moscow and Leningrad. 1947 // Speculum. A journal of mediaeval studies. Vol. XXIII. 1948. P. 691–693.

³ Зимин А.А. Несравненный Степан Борисович // Отечественная культура и историческая мысль XVIII–XX веков. Брянск, 1999. С. 199–211.

⁴ Против объективизма в исторической науке // Вопросы истории. 1948. № 12. С. 7–10.

⁵ Пашуто В.Т. Рец. на: Записки Научно-исследовательского института при Совете министров Мордовской АССР. Т. 6: 1946; Т. 9: 1947. Саранск // Вопросы истории. 1949. № 8. С. 136–140.

буржуазного источниковедения основаны на определенных классовых, политических принципах...». По мнению рецензента, Яковлев «написал не научную историографическую статью, а панегирик Ключевскому, и тщетно было бы искать в этой работе попытки методологически правильно оценить творчество Ключевского». Напоследок автор рецензии сделал следующий вывод: «...Редколлегия „Записок“ отошла от принципа большевистской партийности и допустила грубую политическую ошибку, напечатав статью А.И. Яковлева»¹.

Некоторая часть критики была, безусловно, верна. Так, излишняя бытовая детализация помешала автору написать действительно научный портрет великого историка. Но в целом тон рецензии был вызывающим. В науке, как и во всей стране, шла кампания борьбы с космополитами и «буржуазным объективизмом», поэтому обвинения в «немарксистском подходе» могли дорого обойтись уже немолодому корифею исторической науки. Щекотливость ситуации заключалась еще и в том, что В.Т. Пашуто был одно время довольно близок к Яковлеву и участвовал в его домашнем семинаре, посвященном морозовским актам². Трудно сказать, что подвигло начинающего ученого на этот поступок: какая-то личная обида, желание выслужиться или личные убеждения, а может, и то, и другое, и третье.

Критика книги Веселовского и статьи Яковлева, очевидно, связана со скрытым противостоянием представителей «старой школы» и историков-марксистов. Все более возрастающая роль «старых специалистов», начиная с середины 1930-х гг., вызвала понятные опасения со стороны представителей нового поколения. Только этим можно объяснить, почему объектом для критики были выбраны в основном историографические работы. Активная публикация работ, посвященных изучению трудов дореволюционных историков и основанных на стандартах научности, принятых до Октябрьской революции, с точки зрения историков-марксистов, была нацелена на укоренение традиций буржуазного объективизма. Это объективно подтачивало то ключевое положение, которое занимали ученики М.Н. Покровского и молодые историки в советской исторической науке.

Возраст не позволял историкам «старой школы» переносить травлю без последствий. Сами кампании привели к тому, что бывшие друзья оказались «по разные стороны баррикад». Яковлев и Веселовский в стане критикуемых, а Бахрушин, несмотря на отдельные негативные выпады, в стане критиковавших. От последнего это требовало и его центральное положение в советской исторической науке. Как справедливо заметила Л.А. Сидорова: «...Корпоративная солидарность, не говоря уже

¹ Там же. С. 140.

² *Зимин* А.А. Патриархи... С. 43.

о нравственной позиции историка, в условиях интенсивных идеологических чисток середины века постоянно давали сбои»¹. Более того, в отличие от Веселовского и, видимо, Яковлева, Бахрушин в значительной степени принял советский строй.

Яковлев болезненно реагировал на травлю в печати. Ко всему прочему, Отдел агитации и пропаганды ЦК партии в 1949–1950-х гг. проводил проверки в Институте истории, и Яковлев попал под пристальное внимание «органов». По итогам проверок была вынесена следующая резолюция: «Академик С.Б. Веселовский и член-корреспондент А.И. Яковлев проповедовали идеалистические концепции буржуазно-либерального толка, порой сближающиеся с кадетскими»².

Яковлев помнил, так же как многие другие представители его поколения, «Академическое дело» и опасался повторения тех событий. В 1950 г. он написал обстоятельное письмо президенту академии С.И. Вавилову, где отметал все обвинения в «буржуазном объективизме» и напоминал о своих заслугах перед наукой³. И тот действительно заступился за опального историка. Во всяком случае, в фонде С.И. Вавилова сохранилось письмо Яковлева с благодарностью⁴.

Шумиха вокруг книги о холопстве не позволила Яковлеву опубликовать одну из главнейших своих работ, методологический трактат «Эгерсис». По воспоминаниям Л.Н. Пушкарева, когда в Институте узнали о его работе, то позвонили в Отдел науки ЦК. «Вызвали меня в Отдел науки, — передает рассказ Яковлева Л.Н. Пушкарев, — и говорят: „Алексей Иванович, куда это вас занесло? Вам что, «Материализма и эмпириокритицизма» мало? Да все эти вопросы давным-давно уже разработаны Марксом, Энгельсом и Владимиром Ильичем, с которым вы неоднократно встречались. Вы что, умнее классиков марксизма-ленинизма хотите стать? Чего вам не хватает? Вы же уважаемый человек, член-корреспондент Академии наук! Академиком хотите стать? Давайте, мы выберем вас академиком-секретарем Отделения истории и философии... А что? Человек, встречавшийся с В. И. Лениным, руководит всей исторической наукой! Блеск!“ — „Да нет, говорю, блеск и нищета только у куртизанок бывают (по-моему, он так и не понял, что это значит!). А я ученый, историк. Я в себе склонности к административной работе не замечаю. Нет, говорю, руководить не умею!“ — „Ну, нет, так нет. Вы же уже свой главный труд написали — ста-

¹ Сидорова Л.А. Советская историческая наука середины XX века... С. 47.

² Цит. по: Клапшюк В.Т. А.И. Яковлев — историк, педагог, библиотекарь, библиограф: (к 60-летию великой победы и 75-летию МГУКИ) // Вестник МГКУИ. 2005. № 2. С. 150.

³ АРАН. Ф. 665. Оп. 1. Ед. хр. 274.

⁴ Там же. Ф. 596 (С.И. Вавилова). Оп. 3. Ед. хр. 433.

тью о встречах с В. И. Лениным. И спасибо вам за это. Задумаете что еще из истории XVII века написать или источники исторические какие-нибудь издать — пишите, звоните, мы вам поможем, издадим»¹. Понятное дело, что человеку, лично знакомому с Лениным, в глазах идеологов от науки не пристало заниматься методологическими штудиями, возможно, идущими в разрез с работами классиков марксизма-ленинизма.

Книга так и не увидела свет. В концентрированной форме идеи, заложенные в книге, автор изложил в небольшой, самостоятельно напечатанной брошюре под аналогичным названием, которую он раздавал только самым близким друзьям и коллегам. Один экземпляр был обнаружен в фонде академика Л.В. Черепнина².

Название «Эгерсис» переводится с греческого как «пробуждение». Тем самым автор указывал на революционный характер этой работы. Само исследование строилось на учении э г е р т и з м а. Под этим термином Яковлев понимал идею «оволенного сознания»³, т. е. такого сознания, которое целенаправленно концентрирует свою волю на познании мира. В его понимании эгертизм — это «совокупность гносеологических принципов и указаний, обозначающих общий поворот внимания к мыслительной воле»⁴. Историческое знание, в понимании автора, является знанием «изображающим и объясняющим». Но именно объяснения не хватает многим историческим работам. По мнению историка, современные ему исторические исследования отличаются стремлением к упрощенному познанию исторической действительности, поэтому ученые должны сделать над собой усилие для воспитания в себе стремления к изучению действительности во всей ее сложности. Основой такого поворота должно было стать целенаправленное внимание к методологии исследования.

Яковлев признавал, что «всякое знание и формы его условны и относительны»⁵. С точки зрения автора, при исследовании прошлого ученый должен руководствоваться следующими посылами: «1) Осознанное знание гносеологически выше стихийного; 2) полное знание выше частичного; 3) отчетливое знание выше смутного; 4) классифицированное знание выше беспорядочно нагроможденного; 5) внутренне и внешне соображенное знание выше бессвязного, механически скученного; 6) методологически маневренное и реактивное знание выше только регистрирующего и отражающего»⁶.

¹ Пушкарев Л.Н. Указ. соч. С. 158.

² АРАН. Ф. 1791 (Л.В. Черепнина). Оп. 1. Ед. хр. 467.

³ Там же. Л. 95.

⁴ Там же. Л. 9.

⁵ Там же. Л. 98.

⁶ Там же.

«Эгерсис» напоминает, скорее, не классическое историко-методологическое исследование, а своеобразный кодекс исследователя, его этический катехизис. Из-за обилия терминов, в основном древнегреческого происхождения, вводимых автором, его работа крайне трудна для восприятия. Но, тем не менее, многие соображения историка остаются актуальными до сих пор.

Последствия идеологических кампаний для московских историков оказались тяжелыми. Критика пошатнула здоровье уже немолодых людей. 8 марта 1950 г., простудившись на похоронах своего любимого ученика К.В. Базилевича, умер Бахрушин. 30 июня 1951 г. скончался Яковлев, а на следующий год, 23 января, умер Веселовский. Степан Борисович после травли окончательно дистанцировался от коллег по цеху, все время проводил у себя на даче. До своей смерти он успел написать несколько генеалогических и историко-географических очерков, работал над исследованиями по истории опричнины. Смерть ученого 23 января 1952 г. прошла практически незамеченной. На похоронах 26 января пришедших проводить историка в последний путь было мало. М.Н. Тихомиров записал в своем дневнике: «...Ушел от нас еще один крупный историк-эрудит... Имя не всем знакомое, но славное»¹.

Веселовский, Яковлев и Бахрушин были одними из последних представителей поколения историков, вышедших из дореволюционной исторической науки. Вместе с ними ушла целая эпоха.

5. Последнее исследование С.В. Бахрушина

Бахрушин не успел закончить, возможно, главный свой труд, посвященный формированию всероссийского рынка. Монография была издана уже после смерти автора. Издатели дали книге название «Очерки по истории ремесла, торговли и городов русского централизованного государства XVI — начала XVII в. (К вопросу о предпосылках всероссийского рынка)»². Между тем анализ книги позволяет считать ее одной из наиболее удачных работ историка, внесшей существенный вклад в развитие советской историографии.

В концептуальном смысле работа была построена как синтез высказываний классиков марксизма-ленинизма и конкретно-исторических наблюдений ученого. В вопросе о предпосылках всероссийского рынка Бахрушин исходил из идеи Ленина о том, что с XVII в. происходит экономическое слияние различных областей русского государства, вы-

¹ Там же. Ф. 693 (М.Н. Тихомирова). Оп. 6. Ед. хр. 3. Л. 6.

² *Бахрушин С.В.* Научные труды. Т. I. М., 1952.